моск. комсомолец. - 1994. - 17 февр.

СВОБОДНОЕ ВЕЩАНИЕ

НОВИКОВ — ЭТО ТОЖЕ ЧАСТЬ НАРОДА

Пришел. Высокий такой. Сел. Нога на ногу.

— Я [redacted] Александр Новиков. Пиво будешь? А я выпью. За рулем? А чего мне их бояться? Я за все уже отсидел. На Руси страдальцев любят.

Наша встреча с Александром стала результатом неожиданного согласия. Я никогда не любила да толком и не слушала его песни, которые считала за глаза примитивно-приблатненными. Он — никогда не навязывался на интервью. У него победило желание высказаться. У меня то, что его рекомендовали как "настоящего и буйного", к тому же он обещал рассказать про ТВ такое...

— Я свои песни блатными не считаю. Это просто стилизация такая. **Блатная песня, и это мое глубокое убеждение, должна родиться в недрах тюремной жизни, высказывать интерес и боль уголовного мира.** Альбом **"Вези меня, извозчик"**, принесший мне популярность, это стилизация. Песни с него вызвали совершенно дикую реакцию в 84-м году. За них меня посадили. Копали — за что, ковыряли, нарыли — дали 10 лет. Повод — подпольное производство музыкальной аппаратуры.

Кстати, наш общий знакомый **Шевчук** хотел в свое время купить у меня комплект в Уфе. Заложился на все, что хочешь, — мол, куплю, чувак, на 60 тысяч. Я говорю, слушай, а если я привезу и ты не купишь. Он говорит — отвечаю! Я привез, и он не купил. Мы продали ее тут же — проблем не было. Юру как-то встретил, не напоминал ему — сам вспомнил. Говорит, я тогда на что-то надеялся.

Ха-а.

А у меня больше 5 рублей в кармане не было. Ждал чуда. (Я на него обиду не держу — это единственный певец, которому можно верить.)

Сажали Новикова еще в бытность Ельцина первым свердловским секретарем.

У Новикова нет доказательств причастности Ельцина к сфабрикованному делу, зато есть видеозапись, как на встрече со студентами Уральского политехнического института Б. Н. говорит: "Я к этому делу отношения не име-е-ю (он всегда это говорит очень четко), но я за это дело — берусь". Через 7 месяцев Новикова выпустили.

Пожалуй, единственный удачный опыт общения Александра с ТВ — это появление сюжета про него во "Взгляде", незадолго до освобождения.

— Нет, героем я себя не считаю. Просто сел в тюрьму и просидел 6 лет ни за что на севере Свердловской области. Тяжелый лагерь. Там рабочий день был 12 часов: лесоповал, работа, комары, поноровщина. Страшные смуты и голод. Мороз 60 градусов. Мор. Каждый день кто-нибудь умирал от голода. Энциклопедия, которую там можно было постигнуть, была только жизненной, которая позволяет мне сейчас по эту сторону забора чувствовать себя как рыба в воде в любой ситуации, с любым контингентом. Мне начальник лагеря так и сказал: "Сможешь выжить, выживешь. Ты по песням-то — сильный. Не хватит силы — ты не один. Здесь каждый день кто-нибудь помирает. Ну — иди".

— Производство музаппаратуры, теперь вот коммерция — тобой движет жажда наживы?

— Нет. Я человек не жадный. Всегда была цель — сделать свою студию. Деньги заработать раньше было очень трудно. Это сейчас можно миллионами ворочать. У меня фирма в Арабских Эмиратах... **(На концерте Новиков сказал: "Это бизнес, и я его ненавижу".)**

— В Театре эстрады прошли твои концерты — билеты все раскупили?

— Не интересовался. Меня это не волнует. В Москве работаю ради удовольствия, кстати, гонорары здесь такие уж звездные не платят. Мне интересно петь, я и пою, кому-то помочь — помогаю. Вот интересно с тобой говорить. Меня приходят слушать и уборщицы, и академики.

— У тебя большие претензии к ТВ. Ты не можешь и, главное, не хочешь найти общий язык с ведущими музыкальных программ. Может быть, стиль и тематика твоих песен пришлись не ко двору?

— Тот жанр, в котором я сейчас работаю, вообще один. Условно я его называю — городским романсом. Я думаю, что он включает в себя много разных элементов - от попсы до рока. У меня 4 лазерных альбома, нет повторения — ни в едином вздохе, ни в звуке. Меня постоянно ставят в один ряд с Шуфутинским, Звездинским и т. д. У них совсем другое — кабак. При всем мастерстве Шуфутинского, которого, кстати, я глубоко уважаю, у него есть четкая ориентация. **У меня — не кабак, и в своем жанре я один.**

Вот ты все спрашиваешь, как я сидел и чем занимаюсь. Но ведь неважно, что я богатый и крутой. Важно, что категоричный и максималист. **Что касается музыкального телевидения, то на экранах, на эстраде — нет мужиков. Одни педерасты.** Как-то Пенкин заявил: " Я восторгаюсь проститутками — они гордость нашей нации". Как может он... такое знать и говорить от имени нации?

Наше телевидение, насквозь прогнившее, — гадкое такое центральное телевидение. Очень много мерзавцев, которые вымогают. Вот, например, "Шире круг". Пригласили меня сняться в передаче. Пришел — снялся. Передачу показали. Меня — нет.

— Может, позвонить надо было, спросить.

— Нет, не звонил. Я вообще не московский человек. "Здрасьте, как ваш здоровье? Как вы чусте-е себа?" Я человек очень простой. Мне легче кому-нибудь помочь самому... или купить, или запугать. Но покупать из принципа не хочу. На сцене столько дряни. Причем не имеющей даже четкой половой принадлежности. Про песни Шевчука можно говорить — нравятся, не нравятся; про Макаревича, про Розенбаума, Новикова. **Но одного здесь не отнять — четкой половой принадлежности. Эти все Пенкины только издают звуки, а мы, вышеперечисленные, — произносим слова.** Слова у нас значат больше, чем красивые звуки бесполого существа. Нет, я не против сексуальных меньшинств, имею в виду душевное состояние. Меркьюри тоже им был, но личность громадная. Человек. Уж очень много развелось попсы душевной. Ублюдки. Так можете и написать. Отвечаю за сказанное, и дам в пятак каждому... **Не понимаю почему эти вполне определенные кланы, захватившие телевидение, вершат его судьбу, влияют на вкус и развитие зрителей?**

— Хорошо, а женщины есть на музыкальном ТВ?

— Певицы пытаются изобразить из себя крутых телок. Именно телок, а не женщин. Вот Пугачева... Она может хорошо петь сегодня, завтра — плохо, но она женщина, которая поет, которая хотела любви и жила в ожидании ее. А когда поют — ты крутой денди, а я твоя леди и показывают при этом нижнее белье (к слову — у проституток из амстердамских кварталов белье на порядок выше, чем у наших звезд). **Нету дамы. Нету женщины. Есть телка, и это ужасно.**

— На телевидении большие претензии к качеству музыки. Говорят, что у тебя команда музыкантов слабая... звук любительский?

— Я с тобой не согласен. Погоди, погоди. Как это — любительский? Музыкально? **У меня высочайшего класса профессионалы! На гастроли со мной ездит полгруппы "Чай Ф", барабанщик у меня оттуда и гитарист.** Самая основная часть. **Могилевский, который написал "Казанова, Казанова". Фоменко, клавишник "Наутилуса", который написал "Она читала жизнь, как роман".** Есть идея, которую помогают разрешить высококлассные музыканты.

— Почему группа называется «Кипеж»?

— Ты что, не знаешь, что это такое? Кипеж это — Кипеж.

— Значит, три блатных аккорда к тебе отношения не имеют?

— Я работаю в другом. Музыкальный популизм мне не присущ.

— А ты, поди, крутой в Екатеринбурге?

— Меня в Екатеринбурге знают все.

— Практически ты — звезда?

— Ну, начинается опять: звезда — не звезда. Один, значит, секс-символ. Другой звезда. Беру журнал "Столица", читаю: **"Б. Г.: секс-символ 20-го столетия". А этот — бьющийся в высокой энергии — тоже? Это, знаете, перекосы. У них — "Битлз". У нас — "Ласковый май". У них — Сильвестр Сталлоне и Шварценеггер, у нас- Богдан Титомир и Борис Гребенщиков.**

— А как ты чувствуешь себя в Москве?

— Москва считает нас провинциалами, но здесь мне не хуже, чем в Екатеринбурге. У меня здесь есть все. Я везде себя чувствую на одинаково должной высоте. Есть знакомства, связи, деньги, желание работать и возможность. Хотя мой дух, конечно, ближе к провинции.

— Расскажи о Френке Фориане.

— Человек исторический в шоубизнесе. Продюссер, владелец студии звукозаписи, родоначальник BONY-M. У меня есть друг, который давно хотел снять фильм о западных студиях. Предложили - Френк согласился. Корысти никакой, хотя меня и пригласили записаться в его студии, но — **та музыка, которую я пишу, в такой шикарной студии не нуждается.**

А еще снимал квартал красных фонарей в Амстердаме.

— Не запретили?

— А кто — сутенеры, которых мы гоняли пинками? Мы же русские люди...

— Ты все же драчун.

— Драчун, это который просто задирается на улице. Но если человека обидели, считаю — любой мужчина должен постоять за себя, за честь женщины, которая с ним.

— Давай, Александр, про политику, а политика — это, например, Жириновский. Он тоже искренен в проявлении своих чувств?

— Жириновский мне глубоко антипатичен. Юродивые, кликуши — их всегда на Руси было много. Народ проголосовал за него в знак протеста, ему надоели бесполые демократы, у которых, кроме Ельцина, нет даже определенных мужских качеств.

Ты вот со мной споришь — демократический тоталитаризм! Чтобы узнать, что такое коммунистический, нужно было посидеть тогда в тюрьме.

Меня истребляли как хотели. Морили в карцерах, на бетоне — по 20-30 суток. Еда — полбуханки хлеба раз в два дня. Честно говорю — умирал, но ни перед кем не приклонил головы. Что и кто там сейчас у нас наверху, огульно за всех говорить не буду. **Придерживаюсь основного лагерного принципа: «Не знаешь, молчи. Сказал — отвечай за сказанное».**

Садчиков, журналист питерской "Смены", как-то меня спросил: " Кем вы в лагере были?" Говорю: " Я был мужиком, работал, как все". - "А вот Звездинский, - был библиотекарем». - "Значит, он был "козел", - объяснил я, - потому что это самая "козья" и теплая должность, он стучит во все разведки мира". С. спрашивает: " Можно так и написать — про "козла"?" Я сказал, что за свои слова — отвечаю... Приезжаю в этот же год в Сочи. Мне сообщают, что С. Звездинскому донес и тот возмущался: "Какой я "козел"! Да как он смеет! Да за мной уголовный мир стоит! Туда-сюда, прольется кровь и т. д.".

Короче, я вызвал его на пляж в 12 часов дня. Даже народ собрался — ждали. Он не пришел. Может, и правильно. Я в то время доски разбивал вдребезги. (Тут, в качестве подтверждения, Саша долбанул рукой по шкафу. Шкаф — закачался. Я попросила оставить в покое редакционную мебель.) Вот такие доски крушил. А С. я сказал: " Слушай, милый, если я тебе сказал писать "козел", пиши "козел", а потом я буду отвечать за свои слова".

— Ты говорил — пишешь книгу?

— Очень трудно дается. Ломает. Не хватает языка выразить то, что видел, этот кошмар тихий. Мне говорят — наговори на диктофон — расшифруем, но это будет не то. Я должен сам, как Шаламов.

— Ты авторитет в своем городе?

— Не только в городе, а даже в стране, но именно своего рода. У меня есть все для того, чтобы защитить свои интересы и тех, кто мне симпатичен. Да, знаю много авторитетных людей.

"Мерседес" у Александра был, естественно, 600-й. Сидя в нем, он небрежно так сообщил, что никому не удавалось его, Новикова, купить, никто никогда не похлопает его по щекам, что ему предлагали 50 тысяч долларов за выступление на презентации и он отказался. Потом он включил погромче магнитофон так, что редкие ночные прохожие шарахались в сторону от блестящей махины его авто.

— Это что, блатные песни? — спрашивал он. — Вот альбом "Городской романс" — одна лирика. Вот песня "Троица", слушай. «Жизнь звучала, как ария, как высокий девиз...» **А вот песня "Женский этап" — чудовищная, страшная. Зал молчит, когда я это пою.** «Прочифиренные воровки, каких уже не кличут телками...»

Так продолжалось часа два. А назавтра был концерт в зале у промозглой Берсеневской набережной, и по всему было видно, что люди здесь собравшиеся не просто любят его песни, они в них нуждаются. Александр весь такой аккуратный, в шикарном костюме, подчеркнуто сосредоточенный и немножко неуклюжий, держался великолепно. Но мне, обошедшей все московские сборища, чего-то не хватало, и тогда я поняла — это человек не из тусовки. Да она ему и не нужна в отличие от многих.

Это сам себе человек. И Новиков притом.

Элина НИКОЛАЕВА.

Верстка Евгения БЛИНОВА